

ЧЕРНЫЙ МУРЗА ПРОТИВ КРАСНОГО МАРКСА

*Волков Вячеслав Викторович –
д.и.н. (С.-Петербург).*

«Чистая правда со временем восторжествует,
Если проделает, то же, что явная ложь»
В. Высоцкий

В начале 2000-х годов на постсоветском идеологическом пространстве постепенно обозначилось доминирование ярких и плодovitых авторов, которые занялись научно-популярным толкованием истории нашей страны с четко заданных идеологических позиций. Бушков, Мухин, Буровский, Веллер и др. стали властителями дум российского образованного общества. Наибольший авторитет у патриотической публики приобрел такой талантливый писатель как С. Кара-Мурза, специализировавшийся на разоблачении современной неолиберальной исторической мифологии. Его книги, написанные доступным эмоциональным языком, стали одним из главных средств информационного противодействия наступлению молоха буржуазной пропаганды в современной России.

Однако, чем дальше, тем больше проявилась существенная особенность его творчества (как, впрочем, и у всех идеологических историков): нарочитый субъективизм оценок и интерпретаций. Такой подход всегда оставляет мало шансов исследователю для честного поиска истины, и тем более тогда, когда не хватает материала для обоснования какой-либо умозрительной конструкции. Это не значит, что идеологический историк не может прийти к истине, но это значит, что он легко может от нее отступить перед необходимостью защитить свою высшую ценность – идеологию. Подобное и произошло с творчеством С. Кара-Мурзы в его новой книге «Маркс против русской революции».

Оценить это произведение можно с двух позиций: формальной и содержательной. С первой точки зрения перед нами фальсификация, со второй – ложное понимание истории. Как мы увидим позже, в марксоведческом творчестве С. Кара-Мурзы, они переплетены очень тесно. Поэтому, посмотрим в начале на С. Кара-Мурзу не как на историка, а как на фальсификатора. Для этого обозначим те приемы, которые он использует для своих подтасовок.

Прием первый: **подмена контекста цитаты**. Вот самый яркий пример, показывающий нечестность нашего патриотического героя. Во введении С. Кара-Мурза пишет: «Обширное чтение трудов и писем Маркса и Энгельса позволяет утверждать, что их категории и понятия классовой борьбы являются лишь надстройкой над видением общественного исторического процесса как войны народов. Более того, понятия классовой борьбы в марксизме и не следует принимать буквально, ибо они сильно связаны с фундаментом, построенным из этнических понятий. Битва народов – «архетипический» образ Энгельса, заложенный в фундамент его понятий» (с. 7).

Для подтверждения правоты своего вывода С. Кара-Мурза тут же приводит цитату из раннего произведения Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение»: «День великого решения, день битвы народов приближается, и победа будет за нами» (М., Э., Т. 41, с. 226). После этих «жутких» слов мы не советуем читателю спешить строить образы мировых войн или страшных последствий геноцида, ведь в приведенной цитате говорится всего лишь о... битве за самосознание человечества. Вот достаточно полный отрывок из брошюры Ф. Энгельса, показывающий истинный, а не фальсифицированный ее смысл: «И самое любимое дитя природы, человек, возвратившись после долгой борьбы в юношеском возрасте и длительных скитаний на чужбине к своей матери как свободный муж и, защищая ее против призраков побежденных в борьбе врагов, превозмог также свое собственное раздвоение, раскол в своей собственной груди. После томительно долгой борьбы и стремлений над ним взошел светлый день самосознания. И вот стоит он, свободный и сильный, уверенный в себе и гордый, ибо он прошел через битву битв, он одержал победу над самим собой и надел себе на голову венец свободы. Все для него стало явным, и не было такой силы, которая могла бы куда-либо скрыться от него. Только теперь познал он истинную жизнь. Того, к чему он прежде только смутно стремился, теперь он достигает полностью, по своей свободной воле. То, что, казалось, лежало вне его, то, что представлялось находящимся в туманной дали, он открывает в себе как свою плоть и кровь. Он не считает слишком дорогой ценой то, что он заплатил за это лучшей кровью своего сердца, ибо венец стоил этой крови. Долгое время ухаживания для него не прошло даром, ибо гордая, прекрасная невеста, которую он сейчас ведет к себе в дом, для него только стала тем более дорогой. Сокровище, святыня, которую он нашел после долгих поисков, стоила многих блужданий. И этим венцом, этой невестой, этой святыней является *самосознание человечества* – тот новый Грааль, вокруг трона которого, ликуя, собираются народы и который всех преданных ему делает королями, бросает к их ногам и заставляет служить их славе все великолепие и всю силу, все величие и все могущество, всю красоту и полноту этого мира. Мы призваны стать рыцарями этого Грааля, опоясать для него наши чресла мечом и радостно отдать нашу жизнь в последней священной войне, за которой должно последовать тысячелетнее царство свободы. И такова сила идеи, что всякий, познавший ее, не может перестать прославлять ее и возвещать ее всемогущество, что он охотно и радостно отвергает все остальное, если она этого требует, что он готов пожертвовать своим телом и жизнью, своим добром и своей кровью, чтобы только ее, только ее воплотить в жизнь. Кто ее хоть раз созерцал, кому она раз явилась в ночной тиши во всем своем блеске, тот не может с ней расстаться, он должен следовать за ней, куда бы она ни вела его, - хотя бы даже на смерть. Ибо он знает о ее силе, знает, что она сильнее всего на небе и на земле, что она победоносно пробивает себе дорогу сквозь ряды всех врагов, загораживающих ей путь. И эта вера во всемогущество идеи, в победу вечной истины, эта

твердая уверенность, что она никогда не поколеблется, никогда не сойдет со своей дороги, хотя бы весь мир обратился против нее, - вот истинная религия каждого подлинного философа, вот основа подлинной позитивной философии, философии всемирной истории. Именно она есть высшее откровение, - откровение человека человеку, откровение, в котором всякое критическое отрицание содержит в себе положительное. Этот натиск и буря народов и героев, - натиск и буря, над которыми в вечном мире витает идея, чтобы, наконец, спуститься в самую гущу этой борьбы и стать ее самой глубокой, живой, пришедшей к самосознанию душой, - вот источник всякого спасения и искупления, вот царство, в котором каждый из нас должен бороться и действовать на своем посту. Идея, самосознание человечества и есть тот чудесный феникс, который устраивает себе костер из драгоценнейшего, что есть в этом мире, и, вновь помолодевший, опять восстает из пламени, уничтожившего старину.

Понесем же на костер этого феникса все, что нам было дорого, все, что было нами любимо, все, что было свято и возвышенно для нас, прежде чем мы стали свободными! Пусть не будет для нас любви, выгоды, богатства, которые мы с радостью не принесли бы в жертву идее, - она воздаст нам сторицей! Будем бороться и проливать свою кровь, будем бестрепетно смотреть врагу в его жестокие глаза и сражаться до последнего вздоха! Разве вы не видите, как знамена наши развеваются на вершинах гор? Как сверкают мечи наших товарищей, как колыхаются перья на их шлемах? Со всех сторон надвигается их рать, они спешат к нам из долин, они спускаются с гор с песнями при звуках рогов. День великого решения, день битвы народов приближается, и победа будет за нами!» (М., Э., т. 41, с. 225-226).

Прием второй: **произвольное толкование цитаты**. Например, С. Кара-Мурза приводит отрывок из письма Энгельса Каутскому от 12 сентября 1882 г.: «По моему мнению, собственно колонии, то есть земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже весьма вероятно, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться еще и в других местах, например, в Алжире и в Египте, и для нас это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома» (М., Э., т. 35, с. 297-298).

«Таким образом, - делает вывод С. Кара-Мурза, - видение реальной истории, в отличие от футурологических рассуждений о всемирной пролетарской революции, вовсе не опирается у Энгельса на представления классовой борьбы как отражения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Романтичный образ грядущей, как Второе пришествие, революции пролетариата

– это всего лишь образ идеологии, что-то вроде «нового опиума для народа». В критические моменты этот образ отодвигается в сторону, и история предстает как борьба народов. В этой картине нет и следа объективности, гуманизма и даже универсализма. Главный критерий для Энгельса – «для нас будет лучше». Интересы Запада превыше всего (термин «прогрессивные нации» - лишь прикрытие этих интересов)». (С. 33).

Уже из приведенного отрывка из письма Энгельса четко видно, что не об интересах мифического Запада здесь идет речь, а об интересах революционной партии революционного пролетариата. «Для нас» значит для коммунистов в их революционном деле. Но если добавить к заботливо «обстриженной» Кара-Мурзой цитате ее законные начало и конец, то тогда наш вывод становится еще более ясным.

Начало: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Конец: «Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полувцилизационные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода».

Прием третий: **прямое искажение текста цитаты**. Пытаясь доказать чуть ли не генетическое родство Маркса и Энгельса с крайне правыми элементами, С. Кара-Мурза совершает самый настоящий литературный подлог. На странице 48 С. Кара-Мурза приводит искаженный им или кем-то другим отрывок из письма Маркса Энгельсу от 12 сентября 1863 г.: «Мое самое интересное знакомство здесь с полковником Лапинским. Без сомнения, он умнейший из всех поляков, встреченных мной, и кроме того – человек действия. Национальная борьба его не интересует, он знает только расовую борьбу. Он равно ненавидит всех азиатов, к которым причисляет русских, турок, греков, армян и т.д.» В собрании сочинений, на которое, кстати, Кара-Мурза делает ссылку, такой цитаты нет. Есть другая, хотя и похожая на подложную. Вот она: «Самый интересный человек, с которым я здесь познакомился, - полковник Лапинский. Это безусловно самый остроумный поляк, - и притом *home d' action*, - из всех, кого мне до сих пор довелось узнать. Симпатии его целиком на стороне немцев, хотя по своим манерам и языку он француз. Вместо национальной борьбы он при-

знает лишь борьбу расовую. Он ненавидит всех сынов востока, причисляя к ним с одинаковой готовностью русских, турок, греков, армян и т.д. Некоторое время он во- зился здесь с Уркартом, а теперь не только именует его «шарлатаном», но даже – что совершенно несправедливо – сомневается в его честности». (М., Э., т. 30, с. 305).

Даже не очень пронизательный читатель сразу обратит внимание на то, что «са- мый остроумный поляк» Маркса вдруг становится «умнейшим из всех поляков» Кара- Мурзы. Согласитесь, «остроумный» - это не одно и то же, что «умнейший». Сарказм и уважение – разные вещи.

Прием четвертый: **пропуски в цитате тех мест, которые имеют существенное значение для понимания текста.**

Пытаясь доказать, что призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» обращен только к пролетариям прогрессивных европейских наций, и что это означает лишь равенство для сильных, а для остальных – угнетение, С. Кара-Мурза приводит об- рывки из письма Энгельса Каутскому от 7 февраля 1882 г.: "Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных на- ций...Интернациональное сотрудничество возможно только между равными". (М., Э., т. 35, с. 220,221). В противоположность С. Кара-Мурзе прочтем данную цитату полно- стью без перескоков: "Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций. Скудный республиканский интернационализм 1830 – 1848 г. тяготел к Франции, призыванием которой считалось освобождение Ев- ропы, а следствием этого было усиление французского шовинизма до такой степени, что всемирно-освободительная миссия Франции и вместе с тем ее первородное пра- во возглавлять движение мешают нам еще до сих пор на каждом шагу (в карикатур- ном виде у бланкистов, но, например, у Малона и К^о тоже в очень сильной степени). И в Интернационале французы придерживались этого взгляда, считая его как бы само собой разумеющимся. Лишь события должны были их - а также и многих других – убедить (и по сей день еще продолжают убеждать), что интернациональное со- трудничество возможно только между равными и что даже *primus inter pares* нужен разве только при непосредственном действии. До тех пор пока Польша разделена и угнетена, не может, следовательно, развиваться ни сильная социалистическая партия в самой стране, ни действительно интернациональное общение пролетарских партий Германии и прочих стран с кем бы то ни было из поляков, кроме находящихся в эмиграции. Каждый польский крестьянин и рабочий, пробуждающийся от своей за- коснелости к участию в борьбе во имя общих интересов, прежде всего сталкивается с фактом существования национального гнета, который повсюду встает перед ним, как первое препятствие на его пути. Устранение национального гнета является основ- ным условием всякого здорового и свободного развития. Польских социалистов, не ставящих освобождение страны во главе своей программы, я сравнил бы с герман- скими социалистами, которые не пожелали бы требовать в первую очередь отмены

закона против социалистов, введения свободы печати, союзов и собраний. Для того чтобы иметь возможность бороться, нужна сперва почва под ногами, воздух, свет и простор. Иначе все - болтовня". (М., Э., т. 35, с. 220-221).

Добавим к этой цитате завершение статьи: "Как мало, однако, рабочие даже в так называемых "угнетенных" странах заражены панславистскими возделениями профессоров и буржуа, доказывает замечательная солидарность немецких и чешских рабочих в Богемии". (М., Э., т. 35, с. 224).

В результате получается следующий вывод: призыв Маркса и Энгельса "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" относится именно ко всем пролетариям без исключения и полноценное интернациональное сотрудничество есть идеал, к которому должны стремиться и погрязшие на тот момент в шовинизме французские социалисты, и не решившие свой национальный вопрос польские социалисты. Логика марксизма проста, – вначале надо устранить объективную основу любого национализма, а затем решать социальные задачи. Причем в каждой стране складываются свои особенности следования этим путем: одни должны бороться с шовинизмом своего правительства и народа, другие – за свою национальную независимость. С высоты нашего времени, конечно, можно подвергнуть сомнению такую политическую тактику, но нельзя, как это делает С. Кара-Мурза, ее извращать и тем самым закрывать для изучения.

Прием пятый: **прямая ложь**. С. Кара-Мурза на странице 29 своего труда пишет: "Очевидные массовые страдания, вызываемые вторжением Запада в незападные общества, марксизм принимал за неизбежную и сравнительно невысокую цену того прогресса, который несло это вторжение". Ложь этого утверждения состоит в том, что сам К. Маркс, в отличие от Кара-Мурзы, считал цену этого прогресса весьма высокой. "В своей статье "Британское владычество в Индии" он прямо указывает: "Но не подлежит никакому сомнению, что бедствия, причиненные Индостану британцами, по существу иного рода и неизмеримо более глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше". (М., Э., т. 9, с. 131).

"Гражданские войны, вторжения, перевороты, завоевания, голодные годы – все эти сменяющие друг друга бедствия, каким бы бесконечно сложным, бурным и разрушительным ни представлялось их действие на Индостан, затрагивали его лишь поверхностно, Англия же подорвала самую основу индийского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток его преобразовать. Потеря старого мира без приобретения нового придает современным бедствиям жителя Индии особенно удручающий характер и прерывает связь Индостана, управляемого Британией, со всеми его древними традициями, со всей его прошлой историей". (М., Э., т. 9, с. 131-132).

Итак, анализ одного из методов (метода фальсификации), которые использует С. Кара-Мурза в своей работе, позволяет сделать следующий вывод: *либо С. Кара-Мурза по каким-то причинам сознательно пошел на искажение взглядов К. Маркса*

и Ф. Энгельса, либо он вообще не читал трудов классиков марксизма, а пользовался чьим-то дурно составленным конспектом.

Вторая часть разбора марксоведческого творчества С. Кара-Мурзы станет спором с его интерпретацией марксизма. Для этого мы обозначим основные антимарксистские тезисы С. Кара-Мурзы и осуществим их критику.

Главный упрек, который бросает С. Кара-Мурза К. Марксу состоит в том, что тот как бы заранее выступил против русской большевистской революции, обвинив ее в реакционности и представив угрозой Западной цивилизации.

С этой целью С. Кара-Мурза формирует несколько конкретных обвинений, предъявляемых марксистам.

Обвинение первое: К. Маркс и Ф. Энгельс – западники в том смысле, что они в историческом процессе превыше всего ставили интересы западных народов перед интересами других этносов, а тем более перед интересами пролетариата, что категории и понятия классовой борьбы у К. Маркса и Ф. Энгельса "являются лишь надстройкой над видением общественного исторического процесса как войны народов" (с. 7), в которой классики марксизма, по мнению С. Кара-Мурзы, оказываются на стороне цивилизованного Запада против нецивилизованного Востока. "Маркс и Энгельс мечтали о пролетарской революции на Западе, – пишет С. Кара-Мурза, – которая покончит с отчуждением людей и устроит братство свободных индивидов. Они видели эту революцию как войну против реакционных народов, в ходе которой эти народы будут сметены с лица земли". (с. 203); "Идея, что в ходе мировой пролетарской революции для дальнейшего национального существования будут "отобраны" лишь большие "исторические" нации, а народы сгорят в огне прогресса, поглощенные этими нациями, является принципиальной установкой классического марксизма". (с. 55).

Как видим, С. Кара-Мурзы сплел довольно сложный и противоречивый клубок утверждений. Попробуем его распутать. Для этого нам придется объяснить читателям (а заодно и С. Кара-Мурзе) революционную теорию К. Маркса.

В качестве доказательства своей правоты С. Кара-Мурза приводит, на первый взгляд, "убийственную" цитату Ф. Энгельса из его статьи 1849 г. "Борьба в Венгрии": "Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны". (М., Э., т. 6, с. 179).

Закономерен простой вопрос: "О какой революции идет речь: буржуазной или социалистической?" Сам С. Кара-Мурза считает ее социалистической и так развивает свою мысль: "Из рассуждений Энгельса следует совершенно иное – мировая революция призвана не только открыть путь к более прогрессивной общественно-экономической формации..." (с. 25).

Мы согласны с тем, что эта мировая революция открывает путь к более прогрессивной формации, но...только не к коммунистической, а к буржуазной. Вчитаемся внимательно в текст отрывка из работы К. Маркса и Ф. Энгельса "Немецкая идеология": "Это развитие производительных сил является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования "лишенной собственности" массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), – каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, - и, наконец, местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными. Без этого 1) коммунизм мог бы существовать только как нечто местное, 2) сами силы общения не могли бы развиваться в качестве универсальных, а поэтому невыносимых сил: они остались бы на стадии домашних и окруженных суеверием "обстоятельств", и 3) всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм. Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное "сразу", одновременно, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения". (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М., 1988. - С. 32-33).

Из слов авторов книги следует четкий вывод, что в мировой коммунистической революции не может в принципе решаться задача борьбы с контрреволюционными народами, ибо таковых уже не будет. По К. Марксу все народы уже втянутся во всеобщую конкуренцию, универсальное общение и использование универсальных производительных сил, а, следовательно, будут обладать статусом "совершенно "лишенных собственности" людей". Кроме того, пусть С. Кара-Мурза вспомнит, что все эти баски, чехи, далматинцы и т.д. были обозначены марксизмом как контрреволюционные именно по отношению проходившим в то время буржуазным европейским революциям, ибо они еще не имели тех признаков, о которых говорят основоположники (см. М., Э., т. 22, с. 382).

Можно предположить, что С. Кара-Мурза сделал свой ложный вывод не только под воздействием той эмоциональности и пафоса, с которыми Ф. Энгельс становится на сторону европейских революций 1848 года, но и по причине использования им темы участия пролетариата в этих революциях. Если это так, то следует заявить, что отождествление социалистичности в экономическом плане с государственной монополией, а в социальном – с пролетарскостью не имеет ничего общего с марксизмом. Согласно его основам установление диктатуры пролетариата и утверждение централизованного планового хозяйства под эгидой государства отнюдь не означает непосредственного социалистического переустройства, предваряющего коммунизм. К. Маркс и Ф. Энгельс по этому поводу писали: ""Несправедливость в отношениях собственности", обусловленная современным разделением труда, современной формой

обмена, конкуренцией, концентрацией и т.д., никоим образом не обязана своим происхождением политическому господству класса буржуазии, а, наоборот, политическое господство класса буржуазии вытекает из этих современных производственных отношений, провозглашаемых буржуазными экономистами в качестве необходимых и вечных законов. Поэтому, если пролетариат и свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом самой буржуазной революции, – как это было в 1794 г., до тех пор, пока в ходе истории, в ее "движении" не создались еще материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства, а, следовательно, также и окончательное свержение политического господства буржуазии." (М., Э., т. 4, с. 299); "Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего". (М., Э., т. 22, с. 623);

Очевидная марксистская аксиома, – а, именно то, что до созревания предпосылок всемирной коммунистической революции всякая пролетарская революция и пролетарская власть есть явления местные, ограниченные, не ведущие непосредственно к коммунизму и подходить к ним нужно с величайшей осторожностью, – долгое время признавалась и В.И. Лениным. Размышляя над термином "завершение буржуазно-демократической революции", в работе "Заметки публициста" он писал: "Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, "завершение" ее, то есть устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение всего цикла буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871 годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из "волн", если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций" (Ленин, ПСС, т. 19, с. 246-247), еще ранее, в 1908 г., реферируя свою книгу "Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 гг." для журнала польских марксистов "Социал-демократическое обозрение", В.И. Ленин так изложил свою точку зрения: "Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а между двумя формами капитализма, двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений. И Монархия октябристов или кадетов есть "относительная" буржуазная "демократия" с точки зрения меньшевика Новоседского. И пролетарски-крестьянская республика есть буржуазная демократия" (Ленин, ПСС, т. 17, с. 167).

Таким образом, тезис марксизма о контрреволюционных народах – это констатация факта, характеризующего процессы буржуазной модернизации и никакого отношения к теории мировой коммунистической революции не имеет. И поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс никакие не западники, а самые настоящие универсалисты-космополиты. Для них одинаково чужд как панславизм, так и пангерманизм. В статье "Демократический панславизм" Ф. Энгельс писал: "Что сказали бы мы, если бы демократическая партия в Германии поставила во главу своей программы требование возвратить обратно Эльзас, Лотарингию и Бельгию, тяготеющую во всех отношениях к Франции, под тем предлогом, что большинство населения там немецкое? Как смешны были бы немецкие демократы, если бы они захотели устроить пангерманский немецко-датско-шведско-англо-голландский союз для "освобождения" всех стран с населением, говорящим на немецком языке! К счастью, немецкая демократия переросла эти фантазии. Немецкие студенты в 1817 и 1830 гг. носились с подобными реакционными мечтами, и в настоящее время во всей Германии их оценивают по заслугам. Немецкая революция стала возможной и немецкий народ начал играть хоть какую-то роль только тогда, когда он окончательно освободился от подобных пустых фантазий.

Но панславизм отличается не менее ребяческим и реакционным характером, чем пангерманизм. Когда вы читаете историю панславистского движения прошлой весны в Праге, вам кажется, что вы отброшены на тридцать лет назад: трехцветные ленты, допотопные костюмы, старославянское богослужение, полная реставрация эпохи и нравов первобытных лесов; Сворность – это настоящий буршеншафт, Славянский съезд – новое издание вартбургского празднества; те же фразы, те же фантазии, а потом та же печальная песенка: "Прекрасное здание строили мы" и т.д. Кто хочет прочесть эту знаменитую песенку в переводе на славянскую прозу, пусть прочитает брошюру Бакунина.

Подобно тому как участники немецких буршеншафтов надолго оказались во власти решительных контрреволюционных настроений, свирепого франкофобства и самого ограниченного национального чувства, а впоследствии стали все предателями того дела, которым они якобы увлекались, таким же образом, только быстрее – ибо 1848 год был годом революционным – у демократических панславистов демократическая внешность очень скоро превратилась в фанатическое германо- и мадярофобство, в косвенную оппозицию восстановлению Польши (Любомирский) и в прямое присоединение к контрреволюции.

И если отдельные честные славянские демократы призывают теперь австрийских славян присоединиться к революции, считать австрийскую монархию своим главным врагом и даже идти в интересах революции вместе с мадярами, то они напоминают курицу, которая в отчаянии бежит по берегу пруда при виде того, как высиженные ею молодые утята неожиданно ускользают от нее в чуждую стихию, куда она не может последовать за ними.

Впрочем, не будем предаваться иллюзиям. У всех панславистов национальность, т.е. фантастическая общеславянская национальность, стоит выше революции. Панслависты согласны примкнуть к революции при условии, чтобы им разрешено было объединить в самостоятельные славянские государства всех славян без исключения, не считаясь с насущнейшими материальными потребностями. Если бы мы, немцы, выставили такие же фантастические условия, далеко бы мы зашли в марте! Но революция не позволяет ставить себе никаких условий. Приходится либо быть революционером и принимать последствия революции, каковы бы они не были, либо броситься в объятия контрреволюции и в одно прекрасное утро очутиться, быть может, против собственного желания, в одном лагере с Николаем и Виндишгрецем." (М., Э., т. 6, с. 304-305).

Чтобы затушевать универсальный характер марксистского подхода С. Кара-Мурза идет на различные цитатные уловки. Например, пытается доказать, что Энгельс стоит "на стороне угнетателей, на стороне "высшей расы"" (с. 54) С. Кара-Мурза приводит очень длинную цитату из работы "Революция и контрреволюция в Германии" где выпячивает национальную судьбу чехов, каритийцев, далматинцев и других славян, выкидывая и заменяя отточием те места, где Ф. Энгельс говорит также о валлийцах, басках, нижнебретонцах, креолах (см. М., Э., т. 8, с. 84).

С Кара-Мурза возмущается нежеланием К. Маркса и Ф. Энгельса предоставлять право на самоопределение относительно малым славянским народам, входивших тогда в состав Австро-Венгрии. Но что он скажет, если мы сегодня потребуем осуществления этого права для современных чеченцев, табасаранцев, балкарцев, мордвы и др. народов России? А ведь в середине XIX века "австро-венгерские" славянские этносы находились на гораздо более низкой ступени развития, чем российские сегодня.

Обвинение второе: К. Маркс и Ф. Энгельс – русофобы и славянофобы. Пытаясь это доказать, С. Кара-Мурза приводит "до кучи" и различные принципиальные положения из трудов и заявлений основоположников марксизма, и совершенно смехотворные сюжеты из их личной переписки. В качестве примера последних приведем лишь один. На страницах 26-27 своего труда С. Кара-Мурза пишет, что "основоположники марксизма своей русофобии и не скрывали. В их личной переписке они мимоходом обмениваются такими замечаниями. Маркс – Энгельсу (24 октября 1868 г.): "Боркхейм, русофобия которого (я привил ее ему как самое невинное противоядие, чтобы дать выход его излишней жизненной энергии) принимает опасные размеры..." Дальше цитата прерывается и у читателя в голове возникают совершенно жуткие вещи: К. Маркс передал Боркхейму какой-то целый набор антирусских расистских положений, а потом сам испугался инициативы в развитии русофобии у своего "ученика", примерно так, как О. Шпенглер отшатнулся от начинаний А. Гитлера – "обезьяна, играющая на рояле". Мы не советуем читателю делать такие скороспелые выво-

ды. Гораздо продуктивнее продолжить цитирование письма К. Маркса с того самого места, на котором остановился С. Кара-Мурза.

Читаем у К. Маркса: "... затеял теперь драку со стариком Филиппом Беккером из-за того, что тот находится в хороших отношениях с Бакуниным и написал Боркхейму, чтобы он не нападал на Бакунина в своих письмах. Боркхейм усматривает тут опасный заговор московитов." (М., Э., т. 32, с. 152). Итак, что получается? Русофобия К. Маркса – это всего лишь его "война" с М. Бакуниным, в которой Боркхейм переходит рамки приличия и здравого смысла, за что К. Маркс и высмеивает Боркхейма.

Однако оставим в покое ляпсусы С. Кара-Мурзы и рассмотрим его обвинение по существу. Он, отталкиваясь от тех работ К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых они высказывали опасение по поводу экспансии России в Европе и мире, делает, на наш взгляд, необоснованный вывод: "Представление России как азиатской империи, стремящейся покорить Европу, – примитивный исторический миф, сложенный в рамках идеологии евроцентризма в XVIII веке" (с. 85). Чтобы развеять это заблуждение С. Кара-Мурзы обратимся к фактам.

В первые годы после Венского конгресса для внешнеполитического курса России была характерна некоторая двойственность и лавирование. С одной стороны, петербургский кабинет, решительно осуждал испанскую и неополитанскую революции, а, с другой стороны, выступал в целом за дипломатическое урегулирование этих проблем. Однако со временем под воздействием внешних и внутренних обстоятельств позиция Александра I ужесточилась. В ноябре 1820 г. он дал согласие на австрийскую интервенцию и оккупацию Неаполя и сам намеревался в первой половине 1821 г. послать русские войска для участия в подавлении революции в Италии. Еще на конгрессах в Троппау (1820) и Лайбахе (1821) Александр I вынашивал идею организации интервенции для подавления испанской революции и в апреле 1823 г. благодаря соглашению Франции, России, Австрии и Пруссии она обрела плоть – стотысячная французская армия под командованием герцога Ангулемского вторглась в Испанию и разгромила революционные войска.

В 1830 г. внимание России было приковано к революционным событиям, которые разворачивались во Франции и Бельгии. И если Луи-Филиппа Николай I, все-таки признал, то по отношению к бельгийским инсургентам действовал непримиримо. Это определялось не только общей контрреволюционной направленностью политики Николая I, но и другими обстоятельствами: родственными отношениями с нидерландским королевским семейством и размещением в Голландии ряда царских займов. После обращения голландского правительства с просьбой о помощи к главным европейским кабинетам, Россия объявила о принципиальной готовности выставить "требуемое трактатами" количество войска (60 тыс.) для участия в подавлении бельгийской революции. Развернувшиеся военные приготовления в России привели к непредсказуемым последствиям: Франция однозначно восприняла их как проявления

агрессивности и стала усиленно вооружаться; перспектива наводнения Царства Польского войсками спровоцировала восстание поляков.

В 1832 г. Николай I грозился послать для наведения порядка в Папской области 200-тысячное войско. В том же году российский генерал А.И. Нейгард отправился в Берлин со специальной миссией – договориться о совместном с союзниками отражении предполагаемой французской агрессии против Германии. Предложения царя поверг прусское правительство в состояние легкого шока, ибо предлагавшаяся Николаем I "оборонительная система", с использованием 200 тыс. русских солдат, означала бы новое возрастание напряженности на континенте.

После подавления польского восстания Николай I поставил вопрос о ликвидации вольного города Кракова. И вот осенью 1835 г. об этом была достигнута договоренность между Австрией, Пруссией и Россией: по секретному протоколу от 14 октября предусматривалось присоединение Кракова к Австрии. В начале 1836 г. Краковская республика была оккупирована войсками трех государств. Консервативные тенденции во внешней политике России проявились и в том, что Николай I решительно отказался от поддержки греческой революции 1843 г.

В начале 1830-х годов влияние России на Балканах было очень велико. Однако пресловутое "покровительство", зачастую оказываемое в форме открытого вмешательства во внутренние дела молодых государств, стало тяготить местные власти и порождало закономерное стремление избавиться от обременительного контроля России и в конце концов привело к их переориентации на Англию и Францию.

Во взаимоотношениях с Францией Николай I совершил ряд грубых ошибок: во-первых, постоянно старался политико-дипломатически унижить Луи-Филиппа и, во-вторых, в 1840 г. открыто заверяя правительство Тьера в "отсутствии у русского правительства намерений изолировать Францию" немало усилий с целью подтолкнуть Англию к разрыву со своим "сердечным" другом, что надолго предопределило антироссийскую направленность французской внешней политики.

Идея на сближения с Англией, Николай I вместе с тем в 1844 г. допустил двусмысленные "откровения" относительно возможной смерти "больного человека", то есть Турции и дележа ее "наследства", а в 1847 г. испортил отношения с Фридрихом Вильгельмом из-за созыва им ландтагов.

Наибольшее влияние на формирование у общественности Западной Европы образа России как душителницы свободы оказали шаги царской внешней политики в период революций 1848-1849 годов. Тогда главной заботой императорского правительства, в первую очередь, стало устройство на дальних подступах заслонов против "революционной заразы". Так, Николай I после получения известий и февральской революции в Париже рекомендовал Фридриху Вильгельму сосредоточить свою армию на Рейне, обещая через три месяца помощь в 35 тыс. человек. После того как в середине марта революционное движение охватило германские и итальянские госу-

дарства, а также Австрию Николай I тут же выделил Австрии кредит в 6 млн. руб. серебром и выразил готовность послать войска для борьбы с Сардинией и Францией. Николай лично составил известный манифест 14 (26) марта, о котором писал Паскевичу, что цель его – указать "всем, и нашим, и врагам, что я не хочу трогать других, но и не позволю трогать себя, в этом вся моя задача". Этот воинственный манифест, опубликованный в берлинских газетах, всполошил всю Европу. Он прозвучал вызовом революционному движению в условиях, когда Россия стягивала войска к своим западным рубежам.

В конце апреля 1848 г. Николай I предъявил ультиматум Пруссии с требованием вывести ее войска из оккупированной Ютландии и в подкрепление этому направил к ее берегам эскадру и двинул в Литву еще одну кавалерийскую дивизию. В итоге Пруссия уступила. И вдобавок для предотвращения войны с Россией жестоко подавило познанское восстание поляков.

После того как в 1848 г. революционное движение захватило Дунайские княжества, Россия немедленно ввела туда войска и подавила восстание. Пребывание русских войск в княжествах до мая 1851 г. не раз осложняло отношения России с Англией и Францией.

Вершиной контрреволюционной внешней политики России явился так называемый "венгерский поход", идея которого вынашивалась длительное время по мере нарастания революционного движения в Венгрии и выяснения позиции европейских держав.

26 апреля (8 мая) 1849 г. вышел царский манифест, разъяснявший цели и мотивы военной интервенции и в конце мая 140-тысячная русская армия под командованием Паскевича вступила на венгерскую землю. Не смотря на упорное сопротивление повстанцев венгерская кампания завершилась в двухмесячный срок.

После этого Россия в союзе с Англией и Францией вынудила Пруссию подписать в 1850 г. с Данией мирный договор, а затем создала из Пруссии и Австрии антиреволюционную коалицию и буфер против Франции.

Подводя итог внешнеполитической деятельности России в Европе, следует подчеркнуть, что она в целом носила агрессивный, экспансионистский, антиреволюционный характер и удачно работала на создание в сознании западной общественности антироссийских настроений.

Обвинение третье: К. Маркс и Ф. Энгельс создали такую теорию революции, которая крайне сужает это понятие и тем самым выбивает из разряда прогрессивных революции 1917 г. в России.

Для доказательства своего тезиса С. Кара-Мурза отталкивается не от воззрений основоположников марксизма, а от...статьи о революции в философском словаре 1991 г. и делает из нее несколько ложных выводов. Он отождествляет понятия "прогресс" и "улучшение жизни общества", что не соответствует действительности. "Про-

грессивное" означает не "более лучшее", "хорошее", "доброе" и т.д., а лишь переход к более сложной и высшей в диалектической цепи развития стадии по типу гегелевской (и марксистской) триадичности. То есть некоторые процессы промежуточного отрицания иногда принимают такую форму, которая может выглядеть как регресс и упадок.

Вооружившись ложным пониманием прогресса, С. Кара-Мурза далее предъявил обвинение формационному подходу к истории за то, что "в его поле зрения не попадают все другие "коренные повороты в жизни общества", которые не вписываются в схему истории как смены "общественно-экономических формаций" и, следовательно, этому определению присущ экономизм" (с. 125).

С. Кара-Мурзе, как марксоведу, следовало бы знать, что ни о каких общественно-экономических формациях К. Маркс в своей теории общественных формаций не упоминает. Термин "okonomische Gesellschafts formation", который 15 раз используют основоположники марксизма в своих трудах, дословно с немецкого переводится только как "экономическая общественная формация". Кроме этого термина К. Маркс и Ф. Энгельс используют и более широкий по объему термин – "общественная формация". Применительно к истории человечества в целом он используется для обозначения трех общественных формаций: архаической (первичной) общественной формации, экономической (вторичной) общественной формации и коммунистической (третичной) общественной формации. (М., Э., т. 19, с 404-419).

Раскрывая внутреннее строение экономической общественной формации, К. Маркс отмечает, что "в общих чертах можно обозначить азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства как прогрессивные этапы экономической общественной формации". (М., Э., т. 13, с. 7).

Из всего приведенного выше следует, что К. Маркс задолго до появления так называемого цивилизационного подхода использовал его логику в своем анализе развития общества для характеристики цивилизационной многомерности экономической (вторичной) общественной формации: азиатский способ производства существовал до античности, во время нее, совместно с ней и после нее; рабство, как основа античного способа производства, присутствовало в той или иной мере во всех "экономических" способах производства; крепостничество, будучи основой феодализма, встречалась в различных уголках мира еще в Древности. Таким образом, формационный взгляд на прогресс истории носит не линейный, а диалектический характер, сочетающий в себе взаимодействие общего, единичного и особенного. Именно поэтому К. Маркс выделил в общественной эволюции формы-стадии, подобные геологическим формациям (до пересмотра этого понятия конгрессом геологов в Болонье в 1881 г.), то есть некие образования с определенным способом возникновения, существования и развития.

При объяснении механизма смены общественных формаций К. Маркс подчеркивал, что в конечном (но только в конечном) счете определяющими являются противоречия материальной жизни, что давало возможность увидеть ключевой элемент развития системы, не отвергая все остальные. Читаем у К. Маркса: "На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями...Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке". (М., Э., т. 13, с. 7).

Из использованного нами отрывка следуют очень важные социологические выводы. К. Маркс считал, что в переломные эпохи, в первую очередь, происходит качественный скачок в производительных силах, вслед за ним - в производственных отношениях (социальная революция), а после - в надстроечной сфере и общественном сознании. Отсюда логично заключить, что все эти четыре процесса являются гармоничными гранями одного общественного явления – межформационной революции (термин В.П. Илющечкина) или социальной революции в широком (не так, как у К. Маркса) в смысле слова.

На основе признака наличия или отсутствия антагонистических классов, эксплуатации и частной собственности К. Маркс выделил три упоминавшиеся нами общественные формации. Кроме того, объединив все сословно-классовые общества вторичной формации, как основанные на производстве потребительной стоимости, он, вместе с тем, их резко противопоставил буржуазному обществу, основанному на производстве меновой стоимости. (М., Э., т. 46, ч. I, с. 472,504).

В результате, мы можем констатировать, что история знает три типа межформационных социальных революций: 1. Экономическую сословно-классовую межформационную социальную революцию; 2. Буржуазную межформационную социальную революцию; 3. Постэкономическую межформационную социальную революцию. Конечно, нельзя не отметить одного существенного отличия между этими революциями. Если первая и третья решают одну и ту же проблему, но только с разными знаками, в различных направлениях, а именно, проблему господства частной собственности и мира отчуждения, то вторая лишь изменяет их форму.

Представление о межформационной революции как о длительном преобразовательном процессе, протекающем во всех сферах жизнедеятельности общества позволяет преодолеть глубоко укоренившуюся привычку рассматривать революцию в основном не с точки зрения происходящих качественных изменений, а с позиции быстротечности событий, которая мешает, в свою очередь, верной оценке исторической ситуации, в том числе и в России.

Раскрытие содержания общественных формаций и межформационных революций напрямую влияет на понимание смысла русской революции. С. Кара-Мурза настойчиво подводит нас к решению этой проблемы, когда задает вопрос: "Почему же социалистическая революция была совершена как раз наиболее реакционным народом – русскими? Явная ошибка прогноза Энгельса, который он публикует в 1893 г., практически уже в ходе русской революции, и при этом нисколько не отказывается от своих установок 1849 г., говорит о несостоятельности методологии его анализа". (с. 56). Выбор очевиден: если большевистская революция есть воплощение постэкономической (коммунистической) межформационной социальной революции, то тогда С. Кара-Мурза прав и марксизм посрамлен; если же перед нами один из вариантов **буржуазной** межформационной социальной революции, то тогда С. Кара-Мурза серьезно ошибается и, тем самым, наносит огромный вред социализму? Сегодня, без широких исследований советского строя окончательный вывод делать пока рано. Рискнем лишь выдвинуть предположение о революционном переходе в СССР к буржуазному обществу. Эта гипотеза основана на нескольких положениях.

1. В царской России переход к капитализму далеко не завершился.
2. В результате крушения СССР в России возникло буржуазное общество.
3. Тенденции развития советского общества в корне противоречили марксистскому варианту перехода к коммунизму:
 - переход осуществлялся не во всемирном масштабе;
 - государственность не исчезала, а укреплялась;
 - товарно-денежные отношения развивались;
 - буржуазное сознание народных масс расширялось;
 - из бюрократии и "теневиков" возникла новая буржуазия;
 - национализм нарастал;
 - советская демократия частично отмирала, частично заменялась элементами парламентаризма.

Тенденции эти очевидны и С. Кара-Мурза не сможет их опровергнуть. Он сможет только показать, что процессы, которые протекали в СССР имели другую, нежели чем на Западе, форму. Мы с этим спорить не будем, а поставим вопрос о сущности советского общества. То что оно было переходным – очевидно. То что оно было переходным к капитализму, следует из наших рассуждений. Но было ли оно тогда капиталистическим, то есть функционировало ли в нем капиталистический способ производства? На наш взгляд, нет, не функционировало, так как отсутствовал главный элемент капитализма (помимо найма рабочей силы) – рыночно-конкурентные отношения: купля-продажа производилась, но только плановая (теневой сектор не в счет). Поэтому единственно верный ответ на вопрос о сущности советского строя лежит в русле учений великих социалистов-утопистов XIX века: сен-симонистов и Пекера.

Они создали умозрительные конструкции нового общества, наиболее полно "совпавшие" с советской действительностью.

Возьмем для примера сен-симонистов. "Высшая цель, к которой стремится человечество, это образование всемирной ассоциации трудящегося человечества. Современное государство, говорят сен-симонисты, должно в корне изменить свой характер; теперь оно преследует цели насилия, – в будущем же оно будет существовать для мирной организации общественного труда.

Организация эта будет покоиться, по представлению сен-симонистов, на следующих основаниях. Все средства производства будут сосредоточены в руках государства, носящего характер религиозной общины, так как государство сен-симонистов одновременно является и церковью. Распоряжение этими средствами производства, распределение их между отдельными местностями страны возлагается на центральное государственное учреждение. Его роль будет соответствовать, в хозяйственной области, современному правительству. С этим центральным государственным хозяйственным учреждением будут находиться в непосредственной связи учреждения областные, эти последние – с территориально еще более ограниченными учреждениями, разветвляющими все более и более и все теснее соприкасающимися с отдельными производителями и потребителями.

Все вместе образует сложную иерархию взаимно подчиненных хозяйственных организаций различного порядка, с центральной государственной организацией во главе. От местных организаций будут стекаться в центральную организацию сведения о величине и характере национального спроса. Соответственно этому центральная организация будет распределять между местными организациями средства производства. Для этого центральная организация будет сравнивать запросы отдельных местных организаций между собою, а также и со средствами производства, которыми располагает нация. Ежегодно будет составляться национальный бюджет, подобно теперешнему государственному бюджету. Роль актива в этом бюджете будет играть совокупность продуктов национального производства; роль пассива - спрос на продукты со стороны местных организаций, каждая из которых будет составлять свой бюджет подобным же образом. В результате должна получиться, по мнению сен-симонистов, стройная организация всего национального хозяйства, полное единство плана и подчиненность частей, полное соответствие между национальным производством и национальным потреблением.

"Во главе социального организма – говорят Базар и Анфантен – должны стоять руководящие лица, обязанность которых должна состоять в том, чтобы каждому указывать именно то место, которое ему больше всего соответствует и в его личных интересах и в интересах других. Если руководители отказывают одной отрасли промышленности в кредите, то это потому, что в общих интересах средства производства могут получить лучшее употребление; если один человек не получает орудий тру-

да, которых он просит, то это потому, что компетентные власти признали его более способным выполнять другое дело. Конечно, ошибки свойственны людям, но нужно согласиться, что люди высшего таланта, стоящие на точке зрения общих интересов, взор которых не затемнен мелочами, имеют всего менее шансов впасть в ошибку в порученном им выборе; так как их чувства и даже личные интересы побуждают их стремиться настолько содействовать общему развитию хозяйства, и в каждой отдельной отрасли его в такой мере снабжать орудиями труда отдельные личности, насколько это допускается состоянием национального богатства и национального труда".

Совокупность работников будет образовывать собой иерархию, в которой будут высшие и низшие, начальники и подчиненные. Правилom распределения будет "от каждого по его способностям, каждой способности по ее делам". Таким образом, в сен-симонистском государстве не будет ничего похожего на равенство распределения, но зато в нем должна быть строгая пропорциональность между тем, что каждый дает обществу и что он от последнего получает. Все привилегии рождения должны исчезнуть, и только личные заслуги должны получать полную оплату. При равной оплате труда, независимой от его производительности, менее производительные рабочие присваивали бы в свою пользу плоды труда более производительных рабочих. Потому сен-симонисты полагают, что именно их принцип распределения всего более согласуется с верховным требованием равноправности всех людей, что именно оплата по труду и заслугам и есть истинное равенство." (Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. – М., 1996. – С. 284-286).

М.И. Туган-Барановский при классификации разновидностей социализма и коммунизма описанную систему справедливо относит к государственному социализму (коллективизму). Отрицательное отношение к нему основоположников марксизма нами уже приводилось. Поэтому из всего выше сказанного следует, что советское общество представляло собой государственно-социалистическую переходную к капитализму систему. То есть советский строй не приводил и не мог в силу своих исторических условий и "задач" привести к посткапиталистическому социализму. Это был докапиталистический социализм и, на наш взгляд, его вполне можно считать прогрессивным историческим явлением, ибо он способствовал тому, что менее развитое общество переходило к более высокой ступени эволюции, т.е. к уровню буржуазной формации.

Почему же так получилось, что революционное государственно-социалистическое рабоче-крестьянское движение в России приобрело прогрессивный характер (что, на первый взгляд, вроде бы противоречит воззрениям Маркса и Энгельса)? Это стало возможным в связи со вступлением мира в эпоху империализма. В свое время выдающиеся советские историки - представители "нового" научного направления предметно показали, что в периферийных странах в условиях господ-

ства монополистического капитализма ни одна общедемократическая задача не могла разрешиться без постановки тех задач, которые мы назвали государственно-социалистическими.

Таким образом, С. Кара-Мурзе надо понять, что так называемая "советская цивилизация" была не альтернативным путем к новой коммунистической формации, а альтернативой западному варианту перехода к буржуазному обществу. Субъективно для многих советский социализм стал началом коммунистической эпохи, но объективно это была буржуазная модернизация в форме антикапиталистического бунта модернизирующейся "традиции".

Обвинение четвертое: К. Маркс и Ф. Энгельс неправильно определили субъект будущей коммунистической революции. "Социальной причиной, – пишет С. Кара-Мурза, – по которой классом-могильщиком буржуазии должен стать пролетариат, была, по Марксу, эксплуатация рабочих посредством изъятия капиталистом прибавочной стоимости. Именно пролетариат поэтому был должен и имел право экспроприировать экспроприаторов" (с. 131); "Но это теоретическое обоснование неотвратимости пролетарской революции на Западе несет в себе внутреннее противоречие. Дело в том, что, согласно политэкономическим воззрениям самого Маркса, капиталисты были экспроприаторами вовсе не по отношению к пролетариям – у пролетариев они покупали их рабочую силу по ее стоимости, через эквивалентный обмен на свободном рынке труда. Жертвами капиталистической экспроприации были именно крестьяне и ремесленники, жившие и работавшие в некапиталистических хозяйственных укладах, где они вели натуральное хозяйство или мелкотоварное производство" (с. 131-132); **"Если так, то как раз не на Западе и не от пролетариата** следовало ожидать революции "экспроприированных масс" (с. 132).

Логика С. Кара-Мурзы упрощена до крайности: экспроприировать экспроприаторов, оказывается, могут только те, у кого собственность когда-то была экспроприирована. Но резонно задать вопрос: почему в список экспроприаторов буржуазии попали только ремесленники и крестьяне, почему на это не имеют право церкви, средневековые феодалы, индейские касики и и.д.? Вопрос второй: кто должен экспроприировать экспроприаторов – те, у кого непосредственно буржуа изъяли собственность или их дети и даже родственники? Неужели С. Кара-Мурза не понимает абсурда в своих "экспроприаторских" построениях? По К. Марксу в коммунистической всемирной революции экспроприатором должен стать только тот, кто им может быть по численности и месту в общественном производстве, а именно пролетариат, то есть класс наемных производительных рабочих, создающих прибавочную стоимость, и, к слову сказать, не всегда продающих свою рабочую силу по ее стоимости. Насколько оправдались прогнозы и надежды К. Маркса по этому поводу, это важный и дискуссионный вопрос, но выставлять в качестве главной революционной силы (в деле ста-

новления новой коммунистической формации) крестьян и ремесленников – это уж слишком!

С. Кара-Мурза, опираясь на произведения В.В. Крылова, всячески стремится умалить роль классической капиталистической эксплуатации рабочих в современном мире и акцентирует внимание на эксплуатации квазикапиталистической, возникающей в периферийных странах в ходе так называемой регрессии капитала. Суть явления состоит в том, что продукт созданный в некапиталистических и полукапиталистических секторах через различные экономические и внеэкономические механизмы присваивается крупным капиталом и поступает на мировой капиталистический рынок. Последствие такой регрессии капитала – капиталистический уклад, окруженный морем пауперизма, незанятости и бедности.

Подойдя к данному выводу, С. Кара-Мурза, к сожалению, обрывает раскрытие темы, ведь цель его достигнута: им установлен главный враг, "доказана" необходимость цивилизационной антизападной революции, определен ее ведущий субъект и, в конечном итоге, К. Маркс посрамлен.

В отличие от С. Кара-Мурзы у нас нет идеологических ограничителей в исследовании и поэтому мы можем, во-первых, привести примеры таких стран как Бразилия, Венесуэла, Индия, Мексика и др., страдающих в тисках квазикапиталистической эксплуатации, но постепенно отвоевывающих себе место в списке классических капиталистических стран, и, во-вторых, заглянуть в историю теории данного вопроса и увидеть, что у истоков нового якобы немарксистского взгляда на проблему развития периферийных стран стоял сам К. Маркс.

Именно К. Маркс выдвинул положение о том, что капитал может воспроизводить сам, "от себя", еще докапиталистические по своей внутренней структуре формы производства, а не только разрушать их при соприкосновении с ними. Данный феномен был подробно рассмотрен К. Марксом на примере плантаторской системы, от которой российское крепостничество, к слову сказать, отличалось лишь степенью несвободы и насилия по отношению к эксплуатируемым работникам. Так он пишет: "В колониях второго типа – плантациях, которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка, – существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, то есть самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами капиталисты, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему" (М., Э., т. 26, ч. II, с. 229). Причина появления такого квазикапитализма состоит в переходе от производства, рассчитанного на непосредственное удовлетворение собственных потребностей колоний, к производству с целью получения прибавочной стоимости при вовлечении в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ про-

изводства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу.

Обвинение пятое: К. Маркс и Ф. Энгельс предложили такой вариант преодоления капиталистического способа производства, который восстанавливает индивидуальную собственность по типу "ваучерной приватизации" по Чубайсу" (с. 259) "Затем эти индивидуальные собственники вступают в отношения кооперации с образованием ассоциаций свободных производителей" (с. 259). Такое обвинение понадобилось С. Кара-Мурзе для того чтобы, во-первых, умалить размышления К. Маркса на эту тему и, во-вторых, доказать, что советская национализация и есть высший тип обобществления, а, следовательно, и перехода к коммунизму.

С. Кара-Мурза для того чтобы манипулировать сознанием читателей опять приводит усеченную цитату К. Маркса: "Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а, следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства" (М., Э., т. 23, с. 773). Дальше у С. Кара-Мурзы идет отточие и затем продолжается цитата: "Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов". (М., Э., т. 23, с. 773). "В тот момент это положение "Капитала", – развивает свою мысль известный марксовед-манипулятор, – наверняка вызвало недоумение. Почему надо восстанавливать "индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры"? Почему не строить сразу общенародную собственность на основе общинной культуры и достижений некапиталистической индустриализации? Разве это значит "повернуть назад колесо истории"? Это настолько не вязалось со здравым смыслом и культурой русских рабочих и крестьян, что в комментариях к приведенному положению Маркса в канонической книге советской политэкономии цитата Маркса прерывается, а далее своими словами говорится: "На смену капиталистической собственности идет **общественная** собственность". Советскому официальному обществоведению пришлось радикально подправить Маркса, сказав вместо слов "индивидуальная собственность" слова "общественная собственность" (с. 259-260).

Если у С. Кара-Мурзы вызвало недоумение теоретическое положение К. Маркса, то у нас совершенно другое - недобросовестность (или бессовестность?) нашего идеологического историка. Ведь там, где С. Кара-Мурза поставил отточие, идут впол-

не вразумительные слова К. Маркса об общественной собственности, не требовавшие никаких комментариев: "Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность".

Если этого для С. Кара-Мурзы окажется недостаточным, то мы посоветуем ему обратиться и к другим марксистским источникам. В своей работе "Критика Готской программы" К. Маркс четко указывает, что в новом обществе "в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления" (М., Э., т. 19, с. 20). Куда там до ваучеров! "Наконец, представим себе, – читаем у К. Маркса, – для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общую рабочую силу...Весь продукт труда союза свободных людей представляет общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза" (М., Э., т. 23, с. 88-89).

Кроме обильного цитирования есть и другой путь изучения теоретического наследия К. Маркса – понимание его текстов. Так вполне очевидно, что индивидуальная собственность, возникающая на руинах капиталистической частной собственности не есть уничтоженная капитализмом индивидуальная частная собственность. Индивидуальная собственность теряющая свой "частный" характер есть всего лишь личная собственность. В итоге, слова "индивидуальная" и "личная" здесь - синонимы.

На обвинение, предъявленное Марксу С. Кара-Мурзой в том, что тот, мол уже заранее, исходя из своего расизма, западничества и экономизма отверг Октябрьскую революцию как реакционную, можно ответить следующим образом. Во-первых, К. Маркс жил в своей эпохе и поэтому переносить его оценки в отрыве от нее в другое время недопустимо. Во-вторых, анализ, избегающий фальсификаций, позволяет однозначно заключить, что К. Маркс и Ф. Энгельс не были ни расистами, ни западниками, ни узкими экономическими доктринерами. В-третьих, вся методология марксизма дает основание предполагать, что Октябрьская революция и последующее развитие Страны советов получило бы двоякую оценку основоположников марксизма: и как прогрессивного процесса, так как он передвигал Россию и мир на новую формационную ступеньку вверх, и как регрессивного, в связи с тем, что это движение вынуждена была возглавить радикальная политическая сила коммунистического толка.

На всю эту поднятую нами марксоведческую схоластику С. Кара-Мурзы можно было бы махнуть рукой, если бы выводы, к которым он приходит были безобидны по своим последствиям. Однако они наносят несомненный вред историческому сознанию многих активных людей нашей страны. И поэтому заслуживают всеобъемлющей критики.